Вероника ШЕЛЛЕНБЕРГ

*

Ключи,
потерянные осенью,
в весенней луже обнаружатся,
заржавленные по зубцам.
И надо же –
у самого крыльца.
Поднимешь –
голова закружится.

Вдохнёшь,
о воздух горло стачивая...
Сдвигая
будто глыбу серую,
я тяжело, но всё же верую,
что где-то
будет всё иначе...
в садах течёт вода живая...

Ключи со скрипом поворачиваю
и открываю.

*

Вот и всё.
Я стою у черты невесомой,
а за этой чертой –
сонный сад
неподвижным дождём нарисован.
Совершенно пустой.

Мокнут розы бордовые
и хризантемы,
лепестками клубя.
И никто ведь не спросит:
«Любимая, где мы?»
Нет тебя...

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

И снова май... Зелёный пух цыплячий
едва прикрыл верхушки тополей...
И снова май, и, светлых слёз не пряча,
мы запоём про бклых журавлей.

И сомкнут вдруг литавры на параде,
почудится далёкое «курлы»...
И детский хор на солнечной эстраде
отпустит разноцветные шары.

Замрут на миг мальчишка в камуфляже
и девочки в косынках медсестёр.
...Пусть никогда страна им не прикажет
«давать врагу безжалостный отпор».

Они не знают горький запах смерти,
они не знают, как им повезло...
К ним прикасается
в весенней
круговерти
цветущих яблонь белое крыло.

*

Какое шикарное лето
мелькает капустницей белою
над фиолетовой клумбой...
Какие слова!
Для шершавых сибирских обветренных губ
непривычны, но мёду подобны...
И хочется быть
Загорелой и глупой.

Петуньи, настурции, терции...
Птичьи тельца
растворяются в мареве синем,
вибрируя часто крылами.
О, ангелы лета!
Воробышки, бабочки, осы,
витайте, летайте,
На лётном своём языке говорите над нами!

Успеется стынуть, ютиться и зябнуть,
сжиматься и в щель забиваться,
метель коротая.
О, зяблик, воробышек, если нельзя нам
взлететь,
то хотя бы позвольте стоять в освещении рая –

в уюте петуньи, настурции, мальвы...
Ворочать в гортани язык,
что ещё не оттаял...
Узорные тени следить...
По сибирской привычке
тепло оставлять про запас,
как любовную тайну.

*

Я только подумала – «Слишком тепло...»
И тут же дождя ледяное стило
стирает границы предметов.
Теряются мокрые листья в саду,
и я, растерявшись, обратно иду,
по-летнему тонко одета.

Шафраны ещё по привычке ярки,
оранжево крепкие, как позвонки
сквозь тело тепла проступают.

И тает тепло – ты о нём не тужи,
И дождь, на лету замерзая, кружит,
И падает он, и не тает.

А разве бывает, чтоб слишком тепло?
Пригреешься только – пургой замело...
Последними – это шафраны.

И перемещается лето туда,
Где южные скалы утюжит вода...
но как же внезапно и рано!

*

Я проложила лыжню. Я ещё не устала!
Не накаталась я, не надышалась я, нет ещё!
Светлого дня в декабре до обидного мало,
солнце садится...
открытого космоса детище...

Снег розоват, ноздреват,
словно мякоть арбузная,
тени лиловы, под лыжами –
скрип глюкозный,
ветер качает осоки звенящие космы,
веточка хрустнула...
горькая веточка хрустнула!
Всё ощутимо настолько...
что странно и грустно мне,
Будто бы завтра не в парк,
а в открытый космос
лыжню проложу...

ПРОЩАНИЕ. КРАСНОЯРСК

1

Не провожай.
Ночью весенней
простимся на берегу Енисея.

Ночью у неба библейский размах.
Ветра восточного льдистое жжение.
Набережная пуста...
Громада моста
держится на золотистых гвоздях,
дрожащих от напряжения.

Заживают ли раны от острых огней –
эту тайну уносит с собой Енисей,
словно мученик, снятый с креста.

2

Я вернусь!
Назревает восход...
Это знак –
в предрассветном тумане Такмак
поднимает гранитную длань, велит
перейти на восточный берег, в тайгу –
за разгадкою тайны? В кедровый скит?
Противиться не могу.

Я – железная стружка промышленных зон,
намагничена силой Сибири. Да,
будоражит меня притяжения звон,
проникающий в города
из таких заповедных, седых широт,
что тоска берёт...

Вот настроила нерв, навострила слух
на волну глагола сибирских рек,
и от жажды голос отрывист, сух,
и в гортани русский язык распух,
ловит, ловит летящий снег...

О! Всего лишь один чистоты глоток!
Но не вся ещё выбита пыль дорог...
Я вернусь... Енисей перейду...
Удаляясь на запад в плацкартном чаду –
начинаю путь на восток.

ВЕРХНЯЯ КАТУНЬ

Катунь от Усть-Коксы
цвета бутылочного стекла...
Приток,
имя теряя,
себя отдаёт без остатка...
Разведала Кокса Холзунский хребет.
Цвет её сине-зелёный –
дар
дышащей в небо тайги.
Дальше, дальше...

Катунь
вольготно ветвится
под солнцем Уймонской степи,
островки нарезая.
Солнца – полная чаша.
На дне – округлые камни
в сияющих зыбких сетях –
будто медовые яблоки...

Так и тянет достать хоть одно
сквозь толщу
медленно-мерной текучей воды.
Сквозь толщу –
внезапно не глубже весла!
Всплеск! И стайка мальков
Прыснула в тень
Лодки скользящей...
Медленно-мерно среди островков...

В лодке, как в колыбели,
наслаждайся, гребец, тишиной,
выбирай островок для ночлега.